

Эго-документы советского времени: термины, историография, методология

Юрий Зарецкий (р. 1953) – историк культуры, профессор факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва). Автор книг «Ренессансная автобиография и самосознание личности: Энеа Сильвио Пикколомини» (2000), «Автобиографические “Я” от Августина до Аввакума: очерки истории самосознания европейского индивида» (2002), «Стратегии понимания прошлого: теория, история, историография» (2011).

В статье формулируются несколько общих соображений, связанных с изучением автобиографических текстов. В ее вводной части историзируется и проблематизируется понятие «эго-документ», широко используемое сегодня в социально-гуманитарных науках. Основное содержание составляют вопросы, связанные с изучением эго-документов советского времени – в частности, историографическая ситуация вокруг исследований по советской субъективности. Особое внимание в статье уделено недавно разработанной немецкими исследователями методологии изучения автобиографических текстов, рассматривающей их как специфические социальные практики, укорененные в конкретных коммуникативных ситуациях. В заключение автор высказывает свои суждения о перспективах изучения эго-документов советского времени в дальнейшем.

1. ТЕРМИНОЛОГИЯ

Равнодушие к спорам о словах обычно сопровождается путаницей в представлениях о предмете.

Поль Вен

Эго-документ

Слово «эго-документ» в последние годы стало широко использоваться в разных языках. Однако его смысловое содержание редко является предметом специального внимания. В результате между исследователями сплошь и рядом возникает недопонимание: получается, что они, как будто, говорят об одном и том же, но в действительности имеют в виду разные вещи. Чтобы прояснить значение слова «эго-документ» как научного понятия, остановлюсь дальше вкратце: 1) на обстоятельствах его появления, 2) смыслах, которые в него изначально вкладывались, 3) его предшественниках и 4) преемниках.

Эго-документ (*egodocument*) – это неологизм, изобретателем которого в 1950-е стал профессор Амстердамского уни-

верситета Жак Прессер¹. Придумал он это слово потому, что тексты личного содержания, с которыми ему приходилось иметь дело, плохо укладывались в рамки жанровых дефиниций, традиционно использовавшихся его коллегами-историками. В итоге он изобрел слово, которое указывало на различные письменные свидетельства, отличительной особенностью которых является их выражено личностный характер. Эго-документы в самом широком смысле, объяснял Прессер, это «те исторические источники, в которых исследователь сталкивается с “я” – или иногда (Цезарь, Генри Адамс) “он” – как с одновременно пишущим и присутствующим в тексте субъектом описания»².

Попытка Прессера ввести это новое понятие в научный оборот долгое время не находила понимания у его коллег. Ситуация изменилась только в 1980-е, после того, как неологизм *egodocument* вошел в нормативный словарь голландского языка. С этого времени в нидерландской историографии *egodocument* стал использоваться исследователями разных школ и направлений, причем практически в том же широком смысле, который вкладывал в него его создатель. Рудольф Деккер, которого коллеги называют «дуайеном изучения эго-документов», подразумевает под этим понятием (добавляя, правда, что это упрощенное определение) «текст, в котором автор пишет о его или ее делах, мыслях и чувствах»³. В другом месте Деккер разъясняет, что «эго-документы включают автобиографии, мемуары, дневники и другие личные тексты, в которых авторы подробно пишут о своих делах, опыте, мыслях и чувствах»⁴.

В 1990-е начинается экспансия неологизма Прессера в другие европейские языки, где он используется в том же самом расширительном смысле. Одним из пионеров его употребления в англоязычном мире (*ego-document*) стал историк раннего Нового времени Питер Берк, настаивавший на важности изучения эго-документов для осмысления темы личности в истории⁵. В это же время понятие «эго-документ» вошло в германоязычную историографию (*Ego-Documente*) и франкоязычную историю литературы (*egodocument*), а через неко-

- 1 О Жаке Прессере и его неологизме подробно рассказывают статьи Рудольфа Деккера, опубликованные на разных языках. Укажу здесь только одну, написанную им в соавторстве с Арианной Баггерман и недавно вышедшую на русском: ДЕККЕР Р., БАГГЕРМАН А. *Жак Прессер и традиции еврейской автобиографии в Нидерландах* // Неприкосновенный запас. 2019. № 2(124). С. 238–256.
- 2 PRESSER J. *Memoires als geschiedborn* // *Winkler Prins Encyclopede*. Vol. VIII. Amsterdam, 1958; цит. по: DEKKER R. *Jacques Presser's Heritage. Egodocuments in the Study of History* // *Memoria y Civilización*. Anuario de Historia. 2002. № 5. P. 14.
- 3 RUTZ A. *Einleitung* // *Zeitenblicke*. 2002. Vol. 1. № 2. P. 2 (www.zeitenblicke.de/2002/02/rutz/index.html).
- 4 DEKKER R. *Egodocuments in the Netherlands from the Sixteenth to the Nineteenth century* // *Envisioning Self and Status. Self-representation in the Low Countries 1400–1700*. Hull, 1999. P. 255.
- 5 BURKE P. *Representations of the Self from Petrarch to Descartes* // *Rewriting the Self: Histories from the Renaissance to the Present*. London: Routledge, 1997. P. 21–22.

торое время получило признание и у российских историков⁶. Очевидно, что так же, как и его изобретателя, исследователей не удовлетворяли традиционные литературоведческие понятия, требовавшие соотнесения разнообразных текстов личного содержания с новоевропейскими литературными жанрами. Теперь же в их распоряжении оказался «зонтик», под которым мог укрыться практически любой автобиографический текст.

Сегодня, пройдя проверку временем, эго-документ стал в социально-гуманитарных науках понятием, если не общепризнанным, то, безусловно, общепонятным. Его вхождение в научный лексикон, однако, не обошлось без трудностей. Чаще всего в неологизме Прессера возражения вызывало «эго», отсылающее к соответствующему психологическому понятию⁷. Они были связаны с тем, что в большинстве автобиографических рассказов, с которыми имели дело исследователи, описания внутренних переживаний авторов были скорее исключением, чем правилом. Критики эго-документа обращали также внимание на неясную корреляцию понятия с огромным разнообразием современных автобиографических жанров: охватывает ли оно их все или только те, которые упоминаются в определениях Прессера и Деккера? Наконец, новое понятие подверглось критике в связи с проблематизацией понятий «автор» и «авторское Я» в постструктуралистской критике. Можно ли говорить о существовании этого Я за пределами текста?⁸

До и после эго-документа

Признание научным сообществом понятия «эго-документ» как полезного инструмента анализа рассказов людей о себе не привело, однако, к отказу историков и их коллег из других дисциплин от традиционных литературоведческих обозначений. Неологизм Прессера их существенно потеснил, но вовсе не вытеснил.

Самым распространенным из этих обозначений на протяжении долгого времени среди гуманитариев было слово «авто-

- 6 См., например: Суржикова Н.В. *Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость* // *История в эго-документах: исследования и источники*. Екатеринбург: АсПур, 2014. С. 6–13; Филатова Н.М. *Подходы к изучению эго-документов в современной исторической науке в свете «лингвистического поворота»* // *Документ и «документальное» в славянских культурах: между подлинным и мнимым*. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 24–40; Голубинов Я.А. *Эго-документы как способ конструирования личной и семейной истории: случай Петра и Михаила Герасимовых* // *Genesis: исторические исследования*. 2019. № 12. С. 1–9. В этой статье в качестве синонима термина «эго-документ» используется также словосочетание «автобиографический текст».
- 7 PERREAULT J.M. *Egodocuments and History: Autobiographical Writing in its Social Context since the Middle Ages* // *Biography*. 2003. Vol. 26. № 3. P. 467–468.
- 8 О постструктуралистской трактовке автобиографии и авторского Я см. мою статью: ЗАРЕЦКИЙ Ю.П. *Теория литературных жанров и некоторые вопросы исторического изучения автобиографических текстов* // *Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации*. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 159–172.

биография», также являющееся составным неологизмом, однако с гораздо более давней историей. Появилось оно на рубеже XVIII и XIX веков путем соединения греческих *bios*, *grapho* и *autos*. В сущности, тогда произошло только добавление приставки *autos* к хорошо известному с античных времен слову *biographia*. В 1820-е новое слово укореняется в европейских языках (*Autobiographie*, *autobiography*, *autobiographie*, *autobiografia*), а с 1840-х начинает употребляться и в русском⁹. С конца же XIX века теоретики и историки европейской литературы стали обозначать этим словом один из ее специфических жанров. Задачу очертить смысловые границы автобиографии как жанра и определить его отличия от других (прежде всего мемуаров и дневников) поначалу они не ставили. Оживленные дискуссии на этот счет с участием известных литературоведов, философов и историков культуры развернулись только в 1970–1980-е – сначала во Франции, а затем в и других странах¹⁰.

По-видимому, вначале они были спровоцированы выходом книги историка французской литературы Филиппа Лежёна «Автобиографическое соглашение», в которой содержалось краткое определение жанра. По нему, автобиография – это «ретроспективное повествование в прозе, которое ведет какой-нибудь реальный человек о своем собственном бытии, с особым акцентом на своей индивидуальной жизни, в частности, на истории своей личности»¹¹. Дальнейшие разъяснения Лежёна к каждой части этого определения несколько смягчали его догматический характер, однако это не спасло его от критики. Чаще всего возражения вызывала та часть определения, в которой упоминался «реальный человек» и описание им «своего собственного бытия». Само употребление этих понятий, указывали оппоненты Лежёна, имплицитно исходит из того, что автобиография является изображением «подлинной», «объективной» жизни человека или по меньшей мере допускает возможность такого изображения. Однако существуют множество разнообразных доказательств того, настаивали они, что в действительности дело обстоит совсем не так. Любопытно, что, несмотря на весомые аргументы оппонентов Лежёна и даже на то, что позднее он сам отказался от структуралистской модели этого определения, оно оказалось широко востребованным в социально-гуманитарных науках¹². Предложенная французским историком литературы логичная и стройная формула ав-

9 Первое известное мне употребление этого слова в печатном издании относится к середине XIX века: Суворов А.В. *Очерк жизни и деяний графа Александра Васильевича Суворова-Рымнического*. М.: Унив. тип., 1848. На шмуцтителе книги читаем: «Автобиография графа Александра Васильевича Суворова-Рымнического».

10 См. об этом подробнее в моей статье: Зарецкий Ю.П. *Историки и автобиографии // Cogito. Альманах истории идей. Вып. 4. Ростов-на-Дону: НМЦ Логос, 2009. С. 311–324.*

11 LEJEUNE PH. *Le pacte autobiographique*. Paris: Seuil, 1975. P. 14.

12 О переосмыслении Лежёном этого определения см.: ИДЕМ. *Moi aussi*. Paris: Seuil, 1986. P. 14–34.

тобиографии подкупала исследователей своей ясностью, предлагая им хоть какое-то подобие твердой почвы при встрече с разнообразием текстов, в которых люди рассказывали о себе.

Если подытожить результаты споров 1970–1980-х, то главным из них, по-видимому, стал вывод, что понятие «автобиография» не универсально и применимо прежде всего к истории европейской литературы Нового времени начиная с «Исповеди» Руссо. Что же касается сочинений, не относящихся к «большой» литературе, и тех, которые были созданы в предшествующие эпохи, то его использование малопродуктивно. Впрочем, с этим согласились далеко не все участники дискуссии¹³. Один из непримиримых оппонентов Лежёна, Жорж Гюсдорф, заявил, например, что подобное истолкование понятия вычеркивает из числа автобиографий многие знаменитые рассказы людей о себе. И в данном случае не может быть аргументом ни то, что эти рассказы долго не были известны широкой публике, ни то, что сам термин «автобиография» появился в Новое время. К этому своему заявлению Гюсдорф иронично добавлял: «Руссо, Августин, Джироламо Кардано и многие другие не употребляли неологизм “автобиография”, однако это нисколько не мешало им ее писать»¹⁴.

Активные поиски новых, лучших по сравнению с «эго-документом» и «автобиографией» обозначений, рассказов людей о себе начались в последние два десятилетия прошлого века. Инициативу теперь взяли на себя историки раннего Нового времени; им постоянно приходилось иметь дело с разнообразными текстами, создатели которых рассказывали о себе иначе, чем это делал Руссо и его последователи. В немецкой историографии, во многом благодаря концептуальной статье Бенигны Крузенштерн, тогда упрочилось понятие «свидетельство о себе» (*Selbstzeugnis*)¹⁵. Обновление терминологического аппарата историков происходит в это же время во Франции, где получило признание словосочетание *l'écrit du for privé* (сочинение частного характера), впервые употребленное Мадлен Фуазиль в третьем томе «Истории частной жизни»¹⁶. Терминологические новации произошли и в англоязычном мире, где все чаще стало использоваться понятие *life-writing* (жизнео-

13 Лежён считает, что она полноправно заявляет о себе, включаясь в систему жанров западноевропейских литератур (обычная точка отсчета здесь – «Исповедь» Руссо) только с конца XVIII века. Сочинения, появившиеся до этого времени, следовательно, в строгом смысле слова автобиографиями не являются.

14 GUSDORF G. *De l'autobiographie initiatique a l'autobiographie genre litteraire* // *Revue d'Histoire litteraire de la France*. 1975. № 6. P. 963.

15 KRUSENSTJERN B. *Was sind Selbstzeugnisse? Begriffskritische und quellenkundliche Überlegungen anhand von Beispielen aus dem 17. Jahrhundert* // *Historische Anthropologie. Kultur. Gesellschaft. Alltag*. 1994. Heft 2. S. 462–471.

16 FOISIL M. *L'écriture du for privé* // *Histoire de la vie privée. T. 3: De la Renaissance aux Lumières*. Paris: Seuil, 1986. P. 331–369. Написанный ею раздел назывался «L'écriture du for privé» (в английском переводе – «The literature of intimacy»).

писание или даже жизнеписание), включающее одновременно «рассказы о себе» и «рассказы о других» (если говорить о литературных жанрах, то это автобиографии и биографии)¹⁷. Впрочем, здесь сегодня широко используются и англоязычные аналоги терминов, созданных в других языках (*ego-document*, *self-testimony*, *first-person writing*), и заимствованное из лексикона литературных критиков *self-narrative*. То есть сегодня историки и их коллеги из других социально-гуманитарных дисциплин употребляют самые разные обозначения рассказов людей о себе – больше того, к ним иногда добавляются и новые, вроде недавно появившегося в русском языке неологизма «автодокументальные тексты»¹⁸. Какое из этих обозначений лучше, всегда зависит от самых разных обстоятельств работы исследователя: дисциплины, специализации, предмета изучения, языка, традиции, научных предпочтений, распространенности в научной литературе, а возможно, еще и от вкуса.

2. ИСТОРИОГРАФИЯ

О советских субъектах и ученых, которые их создают.

ЭРИК НАЙМАН

Конечно, вне зависимости от того, как историки называют тексты, с которыми они имеют дело, ясно, что в первую очередь их интересуют люди, о которых эти тексты рассказывают. Их создатели и одновременно главные герои. Что можно из этих текстов о них узнать? О времени, в котором они жили? Можно ли такого рода текстам доверять? Не пытаются ли рассказчики что-то приукрасить, о чем-то умолчать, кого-то или что-то опорочить? Часто повторяют слова Марка Блока о том, что настоящий историк похож на сказочного людоеда («Где пахнет человечиною, там, он знает, его ждет добыча») ¹⁹. По-видимому, при встрече с эго-документом этот «запах» становится неудержимо манящим: кажется, что из него историк может узнать не только сухие сведения о жизни автора, но и то, каким он был, как воспринимал себя и окружающий его мир. И, несмотря на все сомнения и очевидные теоретические сложности, связанные с изучением человеческой субъективности, эта особая притягательность автобиографических текстов не дает многим

17 Его употребление, закрепленное выходом двухтомной «Энциклопедии жизнеописаний» (*Encyclopedia of Life Writing. Autobiographical and Biographical Forms*. London; Chicago: Fitzroy Dearborn Publishers, 2001), в последующие годы получило особенно широкое распространение в междисциплинарных исследованиях.

18 Савкина И. Ю. *Разговоры с зеркалом и Зазеркалье: автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века*. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

19 Блок М. *Апология истории, или ремесло историка*. М.: Наука, 1973. С. 18.

из них покоя. Поскольку я тоже отношу себя к этим историкам, поделюсь несколькими соображениями в связи с поисками субъекта в эго-документах советского времени.

Проблемы периодизации и специализации

Начну с отступления – рассказа о случае, произошедшем несколько лет назад в Англии. Тогда, интересуясь историей исторического знания на Британских островах в XVIII–XIX веках, я обратился за консультацией к одной исследовательнице из Оксфорда, чьи научные интересы были непосредственно связаны с этой темой. Разговор, как и ожидалось, оказался исключительно полезным и позволил мне уяснить общую картину преподавания и «производства» истории в британских университетах в XIX веке. Ближе к концу беседы я решил задать коллеге последний вопрос. Звучал он примерно так: «А что было с историей в английских университетах в XVIII веке?». Ответ на него меня поначалу несколько озадачил. «Честно говоря, – без всякого смущения сказала она, – не знаю, поскольку специализируюсь на истории образования в Британии с 1800 года». Я, конечно, сталкивался с подобными ответами и раньше, в том числе и российских коллег, но не с такими категоричными. Немного позже пришло понимание, что в признании англичанки нет ничего удивительного. В силу давно сложившейся специализации историков по хронологическому принципу (чаще всего по столетиям), ткань прошлого и протекавших в нем процессов дробится на отдельные временные отрезки. На содержании этих отрезков их внимание и сосредотачивается, иначе они просто не смогут глубоко и всесторонне исследовать интересующий их предмет – то есть без него никак нельзя обойтись. Однако и без помещения предмета их интереса в более широкий контекст, выходящий за временные границы их специализации, историки тоже не могут. Ведь совершенно очевидно, что «истинное математическое время» Ньютоновой механики для человеческой истории – это мерило условное, вспомогательный инструмент. Можно ли здесь найти золотую середину? Ответа на этот вопрос у меня нет, есть лишь убежденность, что отдавать себе отчет в его существовании стоит.

Сказанное о недостатках специализации историков по отдельным периодам особенно заметно, когда речь идет о российской истории XX века (то есть истории советского периода, или истории СССР). Те из них, кто ее изучает, обычно целиком погружены в события и процессы «короткого XX века» и мало знакомы с историей имперской России. Соответственно, советское время видится им иным, радикально отличным от времени

предшествующего – и, безусловно, еще в большей степени от того, в котором они живут сейчас. Такой отстраненный взгляд во многом обязан советской историографии, рассматривавшей все происходившее в стране после октября 1917 года как принципиально новый период ее истории, главным содержанием которого является строительства социализма и коммунизма. Если говорить об американской и западноевропейской историографии истории СССР, основы которой были заложены в период «холодной войны», то главным ее содержанием также являются политические доминанты, хотя и иного рода. В отличие от хода строительства социализма и коммунизма, главное внимание в ней обращено на репрессивный характер советской власти и связанные с этим репрессивным характером события и процессы. Подобная «оптика» рассмотрения советского периода российской истории в целом характерна и для того сравнительно нового ее направления в зарубежной историографии, которое занимается изучением советской субъективности.

Советская субъективность

Впервые о рождении этого направления было объявлено в 2001 году Эриком Найманом в статье, выразительное название которой взято эпиграфом к этой части моих заметок²⁰. Речь в ней шла о небольшой группе историков, которые на основе различных эго-документов раннесоветского времени занялись исследованием советского человека как субъекта – в частности, осмысления им своего места в социалистическом строительстве и своей жизни в СССР в целом. Позднее ими была опубликована целая серия блестящих работ, использующих новаторские подходы и ранее мало известные или вообще не известные тексты. Чаще всего в этих работах ставилась задача реконструкции «советского субъекта» как некоей исторической реальности. Иногда, впрочем, их авторы определяли ее более осторожно, подчеркивая, что предмет их изучения не «советский субъект» как таковой, а его репрезентации в различных документах автобиографического содержания. Однако в обоих случаях главным предметом интереса ученых был «внутренний мир советского человека» (здесь для ясности я воспользуюсь старым языковым клише).

Историческим материалом для большинства этих новых работ стали тексты, в формальном отношении близкие традиционным литературным жанрам автобиографии, дневника

20 NAIMAN E. *On Soviet Subjects and the Scholars Who Make Them* // *The Russian Review*. 2001. № 3. P. 307–315.

и мемуаров. И, кроме них, личная переписка и другие эго-документы разных видов – вплоть до кратких сведений о себе, которые граждане СССР сообщали по запросам советских и партийных органов. Во всех случаях исследователи советской субъективности, по большому счету, исходили из привычного представления, что эти тексты «могут открыть нам уникальный доступ к переплетению мыслей и чувств, к тому, как воспринималась действительность с одной определенной точки зрения»²¹. Не имея возможности перечислить здесь имена всех историков, так или иначе работавших или работающих в этом историографическом направлении, назову только два: Йохена Хелльбека и Игала Халфина – ученых, считающихся его отцами-основателями.

После статьи Наймана интерес к осмыслению истории советской субъективности как нового историографического направления стремительно возрос. О нем чаще всего стали говорить как об «одном из новейших и наиболее значимых вкладов в изучение истории советского периода», особо подчеркивая методологическое новаторство относящихся к нему работ. И, поскольку Я советского человека не выглядело в этих работах пассивным вместилищем идеологических клише, стали относить к ревизионистскому направлению в американской историографии²². В последние годы в изучении советской субъективности появились новые акценты, в первую очередь связанные с расширением документальной базы исследований. В отличие от своих предшественников, новое поколение историков все чаще обращается к позднесоветскому периоду и анализируют не только автобиографические тексты, но и самые разнообразные свидетельства времени²³. В общем, сегодня, спустя двадцать с лишним лет после появления первых работ, исследования советской субъективности не иссякли. Хотя, нужно добавить, продолжают они почти исключительно американскими и западноевропейскими учеными.

Политический субъект?

Знакомясь с работами, так или иначе относящимися к этому направлению, нетрудно заметить, что во многих из них эго-документы как исторические источники трактуются в духе старой

21 WALLACH J. *Building a Bridge of Words: The Literary Autobiography as Historical Source Material* // *Biography*. 2006. № 3. P. 448.

22 CHATTERJEE CH., PETRONE K. *Models of Selfhood and Subjectivity: The Soviet Case in Historical Perspective* // *Slavic Review*. 2008. № 4. P. 967–986.

23 См., в частности, статьи в специальном выпуске журнала «*Russian Studies in History*», посвященного субъективности после Сталина (2019. № 2–3).

позитивистской историографии. Суть такой «тривиальной» трактовки, как ее назвал Отто Герхард Эксле, очень проста. Чтобы воссоздать прошлое (если следовать формулировке Лепольда Ранке – «как это действительно было»), историку нужно проникнуть в содержание источников – разумеется, после необходимой тщательной работы с ними²⁴. Метафоры, которые в этом случае используются историками, красноречиво говорят сами за себя: они основываются на сравнении исторического источника с родником чистой воды, к которому достаточно прильнуть, чтобы он открыл нам доступ в прошлое.

Если согласиться с такой трактовкой понятия «источник», то получится, что «советский субъект» – это субъект политический. Такой вывод будет основываться на том, что во многих эго-документах советского времени содержатся отклики людей на те или иные политические события. При этом не будет приниматься в расчет, что эти отклики часто были вызваны мощными внешними импульсами. Хорошо известно, например, что на всех этапах истории СССР важной идеологической задачей партии и правительства было написание истории «первого государства рабочих и крестьян». Помимо разного рода достижений, статистических сведений об успехах в экономике, образовании и строительстве социалистической культуры, для этой истории требовались и рассказы советских людей об их участии в социалистическом строительстве. Нередко такие рассказы создавались по прямому указанию советских и партийных органов для того, чтобы в будущем стать источниками для написания истории гражданской и Отечественной войн, строительства Днепрогэса, Магнитки, освоения целины и так далее. Впрочем, появление огромного числа автобиографических рассказов советских людей, в той или иной мере содержащих политическую тематику, от этих прямых указаний скорее всего не зависело. Больше того, немалое их число совсем не предназначалось для государственных и партийных органов и тщательно от них скрывалось²⁵. Как бы то ни было, но именно эго-документы, так или иначе описывающие политические реалии, и стали главным материалом для историков советской субъективности.

Однако совершенно очевидно, что такой подход является избирательным. Историки советской субъективности оставляют без внимания большую часть автобиографических рассказов граждан СССР, имевших к политике очень опосредованное

24 Эксле О.Г. *Что такое исторический источник?* // *Minuscula. К 80-летию Арона Яковлевича Гуревича*. М.: ИВИ РАН, 2004. С. 154–155.

25 Как, например, дневник Степана Подлубного, ставший вместе с другими эго-документами раннесоветского времени материалом для изучения советской субъективности Йохеном Хелльбеком (Хелльбек Й. *Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи*. М.: Новое литературное обозрение, 2017).

отношение или даже не имевших никакого. У советских людей было множество причин и поводов писать о себе, и они оставили нам миллионы воспоминаний, писем, дневников, большинство которых сегодня хранятся в домашних архивах. Так что, если даже согласиться с Йохеном Хелльбеком, что «самое большое собрание дневников советской эпохи» действительно находится в архиве бывшего КГБ, это собрание – лишь капля в море²⁶. Поскольку же большинство эго-документов советского времени остаются сегодня не востребованными историками, советская субъективность предстает в их работах почти исключительно как субъективность *homo politicus*.

3. Методология

Избрать областью анализа практики, вести исследование на материале того, что делали люди.

Мишель Фуко

Проблематизация Я

Очевидно, что, пытаясь услышать и понять рассказ человека о самом себе, историк сталкивается со множеством трудностей. Прежде всего вызванных не вполне очевидным – или даже иллюзорным – предметом его интереса. И как бы ни хотели этого многие историки, без теорий и теоретизирования здесь не обойтись. Правда, большинство их продолжают по традиции рассматривать авторов эго-документов как картезианских субъектов, а сами тексты – как источники, рассказывающие, «как это действительно было». Хотя в последние годы количество таких «традиционалистов», похоже, заметно уменьшилось.

На необходимость осознания проблематичности понятий, обозначающих субъекта и субъективность, историки обратили внимание еще в конце 1990-х. В XIX столетии, замечал Питер Берк, сложности использования категории Я (*Self*) ученым были неведомы. Соответственно, для историков основные источники понимания человека (в литературе это были биографии и автобиографии; в искусстве – портреты и автопортреты) казались вполне прозрачными, то есть напрямую говорящими о некоем неизменном Я, существующем «за фасадом» текста или картины. Однако наукой XX века, особенно его конца, это старое понимание субъективности было разрушено. С этого времени Я стали чаще рассматривать не как имманентную часть реальности, а как нечто, формируемое, конструируемое

26 Там же. С. 13.

или даже изобретаемое, то есть как лингвистический, культурный и социальный конструкт²⁷. Так что теперь, заключает Берк, историкам не следует понимать человеческую личность как вневременного картезианского субъекта. Им лучше размышлять о ней «в перспективе разнообразия типов личностей или концепций Я (более или менее единообразных, обособленных и т.п.) в различных культурах»²⁸.

Новые предложения

Развернутая программа переосмысления традиционных подходов к изучению эго-документов была предложена в начале 2000-х в проекте Берлинского свободного университета «Рассказы о себе в транскультурной перспективе»²⁹. Главная его мысль состояла в том, что автобиографические тексты следует рассматривать в тех конкретных историко-культурных контекстах, в которых они появлялись и функционировали, а процессы их создания – как особые формы человеческой деятельности, в том или ином виде присущие разным историческим периодам и культурам. Такая перспектива, разъясняли немецкие ученые, дает возможность отказаться от искаженного взгляда на проблему с позиции современного европейца и тем самым лучше понять разнообразие обстоятельств, при которых жизнь конкретного человека превращалась в автобиографический рассказ. То есть позволяет осуществить прорыв в изучении историками автобиографических текстов – «открыть пути осмысления различных способов описания Я как в европейских, так и в неевропейских эго-документах»³⁰.

Одна из разработчиц этой программы, Габриэла Янке, опубликовала в 2002 году монографию, рассматривавшую эго-документы германоязычного мира раннего Нового времени, – «Автобиография как социальная практика»³¹. Чеканная формулировка в названии книги содержала суть предложенной ею новой методологии анализа автобиографических текстов. Позднее разработка этой методологии была продолжена ею в других работах, став в итоге важным руководством по изучению не только европейских эго-документов раннего Нового времени, но и других культур и эпох. Нужно заметить, что эта новаторская методология прочно встроена Янке в контекст

27 BURKE P. *Op. cit.* P. 18.

28 Ibid. P. 28.

29 См. описание проекта и его материалы: www.geschkult.fu-berlin.de/e/fg530/.

30 ЯНКЕ Г. *History of the Research Group «Self-Narratives in Transcultural Perspective»* // *Zeitenblicke*. 2002. Vol. 1. № 2. S. 28 (www.zeitenblicke.historicum.net).

31 ИДЕМ. *Autobiographie als soziale Praxis. Beziehungskonzepte in Selbstzeugnissen des 15. und 16. Jahrhunderts im deutschsprachigen Raum*. Cologne; Weimar; Vienna: Böhlau, 2002.

современного социально-гуманитарного знания и тщательно выверена³².

В качестве иллюстрации своего подхода к анализу эго-документов в одной из своих статей она обращается к краткой автобиографии Николая Кузанского, написанной им на латыни в 1449 году и содержащей сухие, отрывочные сведения о его жизни. Современный читатель, знакомый с эго-документами Нового времени, говорит Янке, вполне может заключить, что Кузанец просто еще не умел рассказывать о себе так же подробно и увлекательно, как, скажем, Руссо или Гёте. Однако такое суждение, продолжает она, будет малопродуктивным и даже ошибочным для понимания этого текста и его создателя. Прежде, чем его выносить, необходимо рассмотреть конкретную ситуацию, в которой Кузанец этот текст создавал, и как эта ситуация связана с его формой и содержанием. Почему он писал на латыни? Почему сообщал об одних событиях своей жизни и умалчивал о других? Почему его рассказ о себе лаконичен и носит официальный характер? Ответив на эти и другие вопросы, связанные с исторической ситуацией рождения этого эго-документа, исследователь увидит, что Кузанец представлял в нем свое Я (точнее, отдельные его стороны) совсем не для того, чтобы мы имели возможность выносить о нем свои суждения. Он писал в исторически конкретном времени и месте, и созданный им автобиографический рассказ выполнял функцию его коммуникации с другими людьми. В ходе этой коммуникации как раз и формировался вполне определенный, нужный Кузанцу на тот момент образ его Я.

«Таким образом его автобиография является *социальной практикой*, подразумевающей наличие некоей *публики*, причем само действие совершается в определенное *время*, в определенной *личной ситуации* и является частью определенного социального контекста»³³.

То есть внимание исследователя всякого эго-документа, включает Янке, должно концентрироваться на ситуации его написания как процессе коммуникации – «на *времени*, в котором писали авторы, а не на *времени*, о котором они писа-

32 Особо отмечу, что работы Янке – это редкий пример исследований, в которых историк, изучающий конкретные автобиографические тексты (то есть работающий в микроисторической традиции), уделяет пристальное внимание историческим обстоятельствам их появления и бытования в пространстве и времени, то есть соединяет микро-, мезо- и макроуровни в единое историческое целое. См. две ее статьи на русском языке: Янке Г. *Каритас Пиркхаймер, Мартин Лютер и другие духовные лица. Автобиографическое сочинение как социальная практика в немецкоязычных странах (XV и XVI столетия) // Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском пространстве: люди, тексты, практики*. М., 2017. С. 149–196; Она же. *Дневники в исторических исследованиях: тексты и контексты раннего Нового времени // Новое литературное обозрение*. 2019. № 3. С. 89–106.

33 ЯНСКЕ Г. *Autobiography as Social Practice in Early Modern German-Speaking Areas. Historical, Methodological, and Theoretical Perspectives // Autobiographical Themes in Turkish Literature: Theoretical and Comparative Perspectives*. Würzburg: Ergon, 2007. P. 66.

ли»³⁴. Тогда автобиографические рассказы станут поняты как социальные поступки их авторов, а сами авторы предстанут перед исследователем не как абстрактные индивиды (что считается само собой разумеющимся при традиционном взгляде), а как общественные существа, относящиеся к конкретной социальной, профессиональной, религиозной, гендерной группе и действующие внутри определенных социальных контекстов и связей.

Развивая эту методологию в одной из недавних работ, Янке предложила рассматривать всякий эго-документ в трех пересекающихся контекстах. Первый связан с фигурой его создателя (прежде всего социальным статусом и местом в иерархии общественных, политических и экономических отношений). Второй – с конкретной ситуацией появления и бытования эго-документа. Здесь особенно важны мотивы, которыми руководствовался автор, использовавшиеся им нарративные стратегии, адресат, форма и способы распространения текста. Наконец, третий – это современное состояние изучения автобиографических текстов: вопросы, с которыми обращаются к нему исследователи, их понятийный аппарат и аналитические приемы³⁵.

* * *

Советские эго-документы как социальные практики

Мне кажется, что методология анализа эго-документов, предложенная Янке, вполне может быть использована при изучении автобиографических текстов советских людей. Она в состоянии придать новый импульс изучению советской субъективности и вообще лучше понять как советских людей, так и общество, в котором они жили. Ведь граждане СССР, как и немецкоязычные авторы раннего Нового времени, писали дневники, автобиографии, мемуары, письма не для того, чтобы мы рассуждали об их субъективности, а для каких-то иных целей. И делали они это в конкретных, часто очень разных, коммуникативных ситуациях, которые всякий раз нужно реконструировать, чтобы услышать их голоса. Нельзя забывать и о том, что интерпретация рассказов этих людей о себе во многом зависит от вопросов, которые им задает историк «с высоты» своего времени. Правда, использование подходов, предложенных немецкой исследовательницей, к изучению советских эго-документов – задача не простая, требующая не только основательной теоретической рефлексии, но и погружения в со-

34 Ibid. P. 67.

35 Янке Г. *Каритас Пиркхаймер, Мартин Лютер и другие духовные лица...* С. 165–166.

циальный контекст, окружавший каждый из текстов. Однако, может быть, все же стоит попробовать?

Эго-документы и эго-документы

Если в соответствии со сказанным выше рассматривать автобиографические тексты советского времени как коммуникативные акты, то станет особенно хорошо видно, что они были очень разными. Письма к родным, дневники для самого себя, воспоминания о пережитом, адресованные потомкам и так далее. И обращать внимание на это разнообразие историкам чрезвычайно важно. Я имею в виду не столько их формальные различия и даже не различия в содержании, сколько контекст их появления и функционирования. Исследователи советского периода российской истории обычно рассматривают литературные дневники, автобиографии, мемуары, личную переписку как некий единый корпус «источников личного содержания», рассказывающий нам о советском человеке. Между тем в этот корпус входят очень разные тексты – не только по содержанию, но и по своим формальным признакам, адресатам и социальным функциям³⁶. И, соответственно, в них звучат очень разные голоса советских людей. А в некоторых случаях и разные рассказы о себе одного и того же человека. Представление об огромном многообразии этих голосов можно сегодня легко получить, ознакомившись с материалами грандиозного электронного архива личных документов «Прожито»³⁷. Эти материалы представляют историкам невиданные ранее возможности – до сих пор, нужно добавить, очень мало ими воспользованные.

Субъективность или субъективности?

Похоже, сегодня назрела необходимость задуматься над тем, продуктивно ли искать в этих разнообразных автобиографических рассказах, составленных в разных ситуациях, по разным поводам и адресованных разным людям, единую советскую

36 Настолько разные, что иногда для них даже трудно найти подходящее обозначение. Как, например, следует называть те краткие формальные рассказы о своей жизни, которые миллионы советских людей предоставляли в кадровые службы при поступлении на работу? Все они имели одинаковое название «автобиография», но автобиография ли это в том смысле, в каком это слово обычно употребляется? Мне даже пришлось придумать для их обозначения специальное словосочетание «делопроизводственная автобиография» (см.: Зарецкий Ю.П. *Моя жизнь для Государства. Массовая практика составления делопроизводственных автобиографий советскими людьми* // Новое литературное обозрение. 2019. № 3. С. 107–127).

37 <https://prozhito.org>.

субъективность? Имеет ли смысл говорить об абстрактном советском человеке как ее носителе, наподобие того, как это иногда делают антропологи, сглаживающие индивидуальности людей в обществах, которых они изучают?³⁸ Может быть, лучше говорить не о советской субъективности, а о советских субъективностях? И пытаться понять эго-документы как специфические субъективирующие практики, в той или иной мере связанные с отношением граждан СССР к нормативному субъекту строителя коммунизма, провозглашенному официальной идеологией.

ЮРИЙ ЗАРЕЦКИЙ
ЭГО-ДОКУМЕНТЫ
СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ...

38 Похоже, именно против такого рода сглаживания выступал в свое время Клиффорд Гирц, говоря о жителях Явы и Бали: Гирц К. *С точки зрения туземца: о природе понимания в культурной антропологии* // Девятко И. Ф. *Модели объяснения и логика социологического исследования*. М.: Институт социологии РАН, 1996. С. 89–108.

